Оторванные от семьи, лишенные нормальных бытовых условий, молодые люди стихийно собирались в группы, где часто утверждались нормы уголовной этики. В городах резко возросла молодежная преступность, злостное хулиганство.

Государство в лице карательных органов практически все правонарушения стало оценивать с политической точки зрения. Групповые преступления заканчивались приговором к высшей мере наказания. Но, с другой стороны, преступления были единственным выходом, единственным опытом выживания в условиях военного времени.

А.Т. Галиева, Т.В. Скрипова, В.Н. Романчук

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДЕТСКИХ ДОМАХ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

После Великой Отечественной войны в Центральном адресно-справочном детском столе, находившемся в Бугуруслане Чкаловской области, было поставлено на учет около двух с половиной миллионов детей, которые разыскивали своих родителей или родственников [1]. Но даже эта цифра не полностью отражает масштабы детского сиротства того времени. На первый взгляд причина детского сиротства очевидна – это война. Но даже после ее окончания число детей в детских учреждениях продолжало расти и достигло максимума в 1947–1948 гг., когда в детских приемниках-распределителях (ДПР) было зафиксировано рекордное число задержанных – почти полмиллиона.

В милицейских протоколах о задержании беспризорников часто встречалась формулировка «из семей, временно впавших в нужду». Эвфемизм, за которым скрывались люди, умиравшие от голода. Но даже сухие милицейские протоколы не в силах скрыть трагедии, постигшей население голодавших областей.

От голода бежали целыми семьями, но, попав в безвыходное положение, родители нередко вынуждены были бросать детей, тем самым давая им шанс на спасение. Детские учреждения были переполнены и не принимали детей от живых родителей, даже если у тех

не было возможности их прокормить. Из районов голода бежали дети, находившиеся под опекой или попечительством в приемных семьях. Из-за плохого питания увеличилось число беглецов из детских домов, ремесленных училищ, мест трудоустройства. Особенно трудно приходилось неполным и многодетным семьям. В отчетах комиссий партийного контроля рост числа беспризорников прямо связывали с тяжелыми материальными условиями жизни. Крайняя скученность в жилищах, существование впроголодь и без присмотра толкали детей на улицу, где они промышляли мелкими кражами, обменом и торговлей, попрошайничали. Часто родители посылали своих детей на рынок продавать вещи или менять их на продукты. Со временем некоторые дети полностью порывали с семьей. Среди детей, поступивших в детские приемники-распределители в январе 1946 г., таких было около 20%. В Молотовской и Вологодской областях этот показатель достигал 70%, а в Смоленской – почти 90% [2].

Высокий процент среди детей-сирот составляли младенцы, сданные в дома ребенка матерями-одиночками. Рост внебрачных рождений был следствием особой демографической ситуации, сложившейся в результате войны и государственной политики. Численное преобладание женщин брачного возраста над мужчинами, низкий достаток не способствовали росту рождаемости. Чтобы как-то увеличить этот показатель, еще до войны были запрещены аборты. С 1944 г. отцы детей, рожденных вне брака, освобождались от какой-либо ответственности. В том же году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям», обязывающий принимать на государственное обеспечение в дома ребенка и детские дома внебрачных детей. К 1946 г. их доля в домах ребенка составила более половины.

Другой причиной детского сиротства была волна репрессий, последовавшая сразу после войны. За мелкое воровство осуждали на 5–7 лет. Число воспитанников домов ребенка, чьи матери находились в заключении, за 1947–1948 гг. увеличилось более чем вдвое и достигло 8% [3].

Таким образом, рост числа детей-сирот был следствием не только войны, но массовой нужды, голода и репрессий. В этих условиях система социальной защиты детей-сирот была ориентирована не на предупреждение сиротства, а на борьбу с его последствиями.

Устройством детей, которые по тем или иным причинам оказались без опеки, занимались специальные комиссии при местных Советах, состоявшие из представителей органов народного образования и общественных организаций. Комиссия могла назначить ребенку опекуна из числа родственников или близких друзей, малышей до трех лет направить в дом ребенка, старших – в детский дом, подростков – учениками на производство или в колхоз. На переднем фронте борьбы с беспризорностью оказалась милиция, проводившая рейды на вокзалах и рынках, по подвалам и чердакам. При отделениях милиции были созданы детские комнаты, куда временно помещали задержанных и приносили подкидышей. Если родители или родственники не находились, малышей до трех лет отправляли в дом ребенка, остальных – в детский приемник-распределитель. Дети от 3 до 14 лет направлялись в детские дома, а подростки постарше устраивались в ремесленные училища или на работу. В особую группу выделялись дети с отклонениями в поведении и те, кто длительное время вел беспризорный образ жизни, неоднократно убегал из детского дома или училища. В системе Министерства просвещения РСФСР существовало два особых воспитательных учреждения: Нижнетагильский детский дом № 1 для детей, склонных к антиобщественным поступкам, и институт трудового воспитания «Новая жизнь» в г. Чехове Московской области для сексуально развращенных девочек (единственный в СССР, существовал с 1927 г.). Малолетние правонарушители и беспризорники со стажем попадали, как правило, в детские колонии.

Мест в детских учреждениях катастрофически не хватало. Многие беспризорники поступали в приемники-распределители в состоянии крайнего истощения, но больницы не брали их, так как не могли обеспечить нормального питания. В июле 1947 г. в ДПР по всей стране содержалось 41130 детей при лимитной емкости 28605 мест. Особенно перегруженными были приемники южных регионов и крупных городов. Далеко не всем беспризорникам нравилась жизнь в детских

учреждениях. В 1945 г. только органы транспортной милиции задержали 24 тыс. воспитанников детских домов. Среди детей, поступавших в ДПР, беглецы из детских домов составляли до 25%. Из школы ФЗО № 71 г. Первоуральска Свердловской области из 350 учащихся в 1945 г. бежали 170 [4]. Главной причиной побегов были невыносимые условия жизни. Фактическая численность детей намного превышала расчетную. В 1947 г. Верховный Совет РСФСР утвердил расходы на содержание одного воспитанника в ДПР в размере 19 р. 48 к. в день, из них 9 р. 10 к. – на питание. На деле же эти суммы уменьшились соответственно до 13 р. 31 к. и 6 р. 45 к. [5].

Большинство детских учреждений в России располагали только средствами местного бюджета, эпизодической помощью шефов и собственным подсобным хозяйством. Обычно они размещались в неприспособленных, часто полуразрушенных помещениях. Например, созданный еще в 1930 г. Центральный детский приемник-распределитель, самый крупный в стране, находился в Даниловском монастыре. В нем не хватало кроватей и постелей, дети спали на нарах или на полу, из-за отсутствия одежды и обуви не ходили гулять. Положение с одеждой было настолько катастрофическим, что, доставив детей в детские дома, эвакуаторы снимали с них выданные в присмниках рубашки и пальтишки, чтобы вернуть их обратно.

Яркая картина условий жизни в детских домах предстает со страниц официальных документов-справок о результатах проверок, проведенных в 1945 и 1947 гг. в ряде областей Комиссией партконтроля ЦК ВКП(б). Во многих домах царила антисанитария, не было умывальников, не хватало посуды, коек, белья, одежды и обуви. Торговые организации задерживали выдачу продуктов, часто заменяли одни продукты на другие. Дети недоедали и поэтому воровали на колхозных огородах. Большинство детдомов Смоленской области нуждались в ремонте, находились в антисанитарном состоянии, дети были завшивлены, спали по два-три человека на одной кровати [6].

В Свердловской области только 22 детских дома из 195 находились в приспособленных помещениях, остальные располагались в школьных зданиях и даже в крестьянских избах. Отсутствовали уборные, бани, прачечные, комнаты для занятий, изоляторы. Дети

спали по трое-четверо на одной кровати и на полу [7]. Аналогичная ситуация была выявлена в Вологодской, Омской, Воронежской, Курганской, Кировской и других областях, одним словом, везде, где проводились проверки. В их ходе также выяснилось, что в детских домах применялись телесные наказания, суточные аресты, лишение пищи.

Тяжелое положение детских домов объяснялось отсутствием должного внимания к детям со стороны местных советских и партийных органов. Но, думается, правильнее будет говорить о трех причинах: экономических последствиях войны, нарушениях установленных норм и, наконец, злоупотреблениях. Снабженческие организации заменяли одни продукты другими. Вместо мяса и яиц выдавали яичный порошок, вместо овощей и фруктов – пшено [8]. Да и эти продукты не всегда доходили по назначению. В 1945 г. большая часть из 1500 пальто, предназначавшихся по указанию СНК для детских домов, была реализована через торговую сеть.

На областном совещании директоров детских домов Владимирской области в октябре 1945 г. прямо говорилось, что в ряде детдомов продукты расходятся между сотрудниками [9]. Мелкое воровство персонала детских домов было повсеместным и, как правило, покрывалось местным начальством, которому тоже что-нибудь перепадало. Уголовные дела возбуждались в крайних случаях. Вот один из примеров. В Потелковском детском доме Сталинградской области штат сотрудников состоял из родственников директора. Вместо положенных 7 р. на питание воспитанника в день тратили два-три. Чтобы прокормиться, дети нанимались колоть дрова и убирать огороды. За 8 месяцев 1945 г. из детского дома сбежали 22 человека из 117. Вещами из детского дома снабжались работники района, в частности районный прокурор взял себе отрез на брюки [10]. В 1948 г. были раскрыты крупные хищения в детских домах Сталинградской области, шестерых директоров детдомов привлекли к уголовной ответственности. Ревизии, проведенные в 1951 г. в 62 детских домах и школах-интернатах Свердловской области, выявили 23 случая растрат и хищений [10].

Дети страдали и от издевательств со стороны старших воспитанников и персонала. В газету «Правда» поступали письма, в кото-

рых приводились многочисленные факты злоупотреблений, разврата, хищений, насилия, но они оставались неопубликованными. В начале 1949 г. у Кремля были задержаны трое воспитанников Малаховского детского городка (Московская область), бежавших оттуда, чтобы «просить защиты у товарища Сталина». Дети жаловались на жестокое обращение, побои, попытки изнасилования со стороны воспитателей [11]. Повсеместно в детдомах в качестве наказания воспитатели применяли такие методы, как избиение, лишение пищи, заключение в холодный карцер, обливание водой, привязывание к кровати, раздевание догола. Впрочем, сор из избы взрослые старались не выносить. Поэтому уверенный в своей безнаказанности директор Рождественского детского дома (Ставропольский край) в течение долгого времени угрозами и силой заставлял 10–12-летних девочек вступать с ним в половые отношения [12]. Это один из случаев сексуальных домогательств в детских учреждениях, отраженный в документах. Вряд ли подобные преступления были редкостью. Скорее можно предположить, что официальные документы стыдливо о них умалчивали. Формулировка судебного приговора директору Рождественского детдома (в 1948 г. он был осужден на 25 лет «за бандитизм») подтверждает это предположение. За систематическое избиение детей в 1948 г. были осуждены воспитатели Чернозерского детдома (Пензенская область), директора Медянского (Кировская область), Мглинского (Брянская область) детдомов и многие другие [13].

В неудовлетворительном состоянии находились и дома младенца. Они также испытывали перебои с продуктами, топливом, не были обеспечены инвентарем. Из-за нехватки мест в детских домах в первые послевоенные годы в домах ребенка было много переростков. Эти дети, как правило, отставали в своем физическом и умственном развитии, так как в домах ребенка не было воспитателей для работы с ними и нормы питания были для них недостаточны. Воспитательная работа с детьми-сиротами строилась на общих принципах. В 1945 г. бывший учитель из Архангельска П.И. Мокеев, обеспокоенный ростом детской беспризорности, обратился к И.В. Сталину с предложением создать при детдомах свои школы, чтобы дети-сироты не соприкасались с детьми, имеющими родителей, и не чувствовали себя

обиженными судьбой [14]. Заключение Министерства просвещения по этому вопросу было отрицательным.

Воспитанники детских домов посещали общие школы, дома пионеров, ездили в пионерские лагеря, участвовали в массовых детских организациях. Специфика состава интернатных детских учреждений слабо учитывалась и при подготовке кадров педагогических работников. Воспитателей детских домов готовили только педагогические училища, но не вузы.

Воспитанники детских домов требовали к себе особого подхода. В первые послевоенные годы среди них преобладали дети, успевшие много повидать и пережить на своем коротком веку: бывшие сыновья полков, прошедшие войну и имевшие правительственные награды, мелкие воришки, попрошайки. Многие из них имели за плечами опыт беспризорной жизни, голодали, болели. Большинство отставало в учебе от своих сверстников из массовых школ. Никакой системы реабилитационного воспитания детей, пострадавших от войны, не существовало. Государственная помощь этим детям сводилась к поддержке в элементарном выживании. Впоследствии, когда поколение детей войны в детдомах сменилось социальными сиротами, общее направление системы воспитания не изменилось. Лишь в конце 1980-х гг., когда проблемы помощи детям-сиротам стали широко обсуждаться в средствах массовой информации, стала осознаваться необходимость создания специальной службы психологической адаптации воспитанников интернатных учреждений.

Основным воспитательным принципом было сочетание обучения с трудом. Если в школах этот принцип часто проводился формально, то в детских сиротских учреждениях, которые должны были подготовить своих воспитанников к самостоятельной жизни, труду уделялось особое внимание. В первые послевоенные годы воспитанники детских учреждений полностью обслуживали себя: стирали одежду, мыли полы, посуду, работали на приусадебных участках. С 12 лет они должны были работать в мастерских, проходить производственную практику на предприятиях, чтобы ко времени выхода из учреждения овладеть определенной профессией.

С началом перестройки и гласности о бедственном положении

дел в детских учреждениях стали много писать и говорить. Различные благотворительные организации и фонды начали оказывать помощь детям-сиротам. Впервые был поставлен вопрос о необходимости социальной адаптации, психологической реабилитации детей-сирот. Были приняты правительственные постановления о необходимости коренного улучшения воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот. Появились учреждения нового типа – семейные детские дома, детские деревни, детские приюты. Но все эти меры не могли предупредить нарастание новой волны детской беспризорности. Ухудшение экономического положения страны, обнищание населения, обострение национальных конфликтов, терроризм и локальные вооруженные конфликты, вынужденная миграция, рост наркомании, алкоголизма и проституции – вот далеко не полный перечень причин роста социального сиротства в постсоветской России.

Библиографический список

1. ГАРФ, ф. 9412, оп. 1, д. 172, л. 147.
2. ГАРФ, ф. 9412, оп. 1, д. 97, л. 76.
3. РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 642, л. 2.
4. ГАРФ, ф. 9412, оп. 1, д. 97, л. 73.
5. ГАРФ, ф. 9412, оп. 1, д. 123, л. 174.
6. РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 28, л. 52, 56; д. 29, л. 76.
7. РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 29, л. 96.
8. РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 19, л. 8, 9.
9. Государственный архив Владимирской области, ф. Р-3742, оп. 1, д. 11, л. 7.
10. РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 29, л. 7.
11. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 200, л. 8.
12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 56, л. 80.
13. РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 56, л. 78.
14. ГАРФ, ф. А2306, оп. 70, д. 5786, л. 2, 9.